

№ 4110    ГОДЪ ИЗДАНІЯ ТРИНАДЦАТЫЙ

**MAISONNETTE**

36, rue Vivienne (2<sup>e</sup>). Tél. Gut. 51-16.  
ОБѢДЫ, УЖИНЫ (съ понед., 20-го,  
завтраки). A LA CARTE  
(цѣны умеренныя).

БОЛЬШАЯ  
АРТИСТИЧЕСКАЯ  
ПРОГРАММА.

Оркестръ P. RAPHAEL и знаменитые  
POPESCO et JEAN GOULESCO.  
Задерживайте столики на REVEILLON.

ВЪ ЭТОМЪ НОМЕРѢ 14 СТРАНИЦЪ

# ВОЗРОЖДЕНИЕ

ОРГАНЪ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

**Vozrojdenie — La Renaissance**

Редакторъ: Ю. Ф. СЕМЕНОВЪ

Directeur: JULES SEMENOFF

ПЯТНИЦА, 17 ДЕКАБРЯ 1937 Г.  
VENDREDI 17 DECEMBRE 1937

# МОСКВА

## «ТРИ СЕСТРЫ» ВЪ РОССИИ

**П**ОЖАЛУИ, лучший чеховский спектакль. Художественного театра были именно «Три сестры». Уже очень хорошо разобрались пьеса — и сама тройка сестер, и Станиславский, и Артемь, и Ирина. Да и тот ритм. Но устѣх не отъ одного этого зависѣлъ. Искусство искусства, а было тутъ нѣчто и въ жанре-чувствѣ. Нѣкій звукъ произведенія прилежалъ по духу тогдашней, и отъѣтъ шелъ не только въ направленіи художества. Вообще Чеховъ, а особенно «Три сестры» стали не однимъ лишь предметомъ созерцанія эстетическаго, но и частью жизни.

Какъ, при всякомъ крупномъ успѣхѣ общество раздѣлялось. Одни за, другіе противъ. Одни сестрамъ сочувствовали, другіе на нихъ сердились.

— Въ Москву, въ Москву! Возли бы, да и купили билетъ.

— Нѣтъ, это вѣдь въ смыслѣ такомъ... знаете... символическомъ.

Странное было время (для литературы хорошее): если человекъ любилъ Гайеуна, Чехова, Мюссена, онъ какъ будто принадлежалъ къ нѣкой партіи. Однимъ своей, другимъ чужой ли не врагъ.

Вотъ пыльная молодая дама московская тринадцать разъ видѣла «Три сестры». Но за это и поплатилась. Дама, другая, немолодая, знавшая ее съ дѣтства, была о пьесѣ иного мнѣнія. Когда въ гостини у немолодой молодая начала восхищаться, та не выдержала.

— Удивляюсь, какъ это можно тринадцать разъ смотрѣть этотъ вздоръ.

— Замѣчательная пьеса...

— Вздоръ!

Черезъ нѣсколько минутъ разговоръ уже былъ такой:

— Какъ? Въ моемъ домѣ? Восхищаться этими развратницами?

Почему бѣдныя сестры оказались развратницами, понять не такъ просто, но молодая не уступала, слово за слово, такъ разсердилась хозяйку, что пришлось «не страдать за свои убѣжденія» — изъ ланитиннаго дружескаго дома на нѣсколько времени вылетѣть.

Сколько было такихъ перепалокъ! Сердился на сестеръ обычно старые, и ворчали: чиновники, судейскіе, нововременцы, полныя дамы въ высокихъ корсетахъ, (опора общества, устои), помѣщики въ фуражкахъ съ красными околышами, изъ числа тѣхъ, кто кричатъ въ ресторанахъ: «чѣ-а-а-а!», заказывая холодного поросенка съ хриномъ.

На сторонѣ сестеръ была болѣе юная часть: курьистки съ «островомъ морюшекъ»

надъ постелью, «чуткая молодежь» немартианскаго характера, интеллигентны орел-ники дѣтъ, артистическая богема, учительницы, наконецъ, просвѣщенная часть провинціи — всѣ пріѣзжавшіе въ Москву, шли непременно въ Художественный театръ.

А вотъ и влияние пьесы на тогдашнюю жизнь: въ «Трехъ сестрахъ» учитель Кулыгинъ собралъ себѣ усы, чтобы походить на директора. Въ городѣ Серпуховѣ, въ началѣ этого вѣка, когда премьера «Три сестры», учитель латинскаго языка, нѣкій ut consecutivum, которыми полна была Россія, тоже собралъ усы, но не для директора: а чтобы походить на Булыгина изъ пьесы.

— Я доволенъ! Я, Мама, доволенъ!

Саронный Булыгинъ, чеховскій, сивозъ слезы улыбающийся помѣтившей женѣ, развлекающей ее накладными усами, наденными у ученика въ классѣ — вотъ онъ, прославленный въ Серпуховѣ.

## САМЪ ЧЕХОВЪ.

Весь этотъ шумъ произошелъ изъ за чеховска тихаго, больного, сидѣвшаго въ Ялтѣ (въ Москву его не пускали врачи), изъ окна дуткинскаго своего кабинета видѣвшаго крымскія горы, по вечерамъ слушаемаго въ городской салѣ, броившаго тамъ — въ пенсѣ, подиравъ воротничекъ нахто, покашливавшего, квой разъ одного сидѣвшаго у моря.

Антонъ Павловичъ Чеховъ не гонялся за славой. Она сама къ нему шла. «Гуль» ея доносился изъ Москвы до дачи селенія Аутка налѣ Ялтой, во всей зимней заброшенности этого мѣста. Робкіе молодые писатели съ трубкой рукописи въ ледяной рукѣ, дамы, стремившіяся узнать «какъ жить», учителя, врачи изъ провинціи — всякій народъ бывалъ, на этой уединенной и уютно-грустной «виллѣ». Въ Чехову тоже отношеніе было не только какъ къ писателю, хотя онъ и не стоялъ «на славномъ посту», терпѣть не могъ мобилеизъ и рѣчей съ призывами «къ огонькамъ, уже маячащимъ въ безпросвѣтной мглѣ реакціи». Чеховъ былъ просто замкнутый, одинокій, скромный человекъ, не безъ прохладности, вовсе безъ сладостности, но человеколюбивая и христианская душа. Кому приходилось бывать въ Мелиховѣ, подмосковномъ его имѣніи (во время «Трехъ сестеръ» онъ Мелихово уже продалъ), тотъ знаетъ, сколько нешушнаго добра творилъ вокругъ себя Чеховъ. Какъ хорошо, что онъ былъ врачъ! Много пострадало около Мелихова и Лопасни, много и посмотрѣлъ, многимъ помогъ. «Это что же за пшала?» — спрашиваетъ пробѣжій черезъ деревню. «А это Антонъ Павловичъ намъ охоначивалъ», — отвѣча-

етъ извозчикъ, съ Лопасни. Глядишь, и больница: тоже «господинъ Чеховъ устроивалъ». За сохой онъ не ходилъ и опредѣлится не собирався, но на голодъ вполнѣ могъ поухать. А въ общемъ: очень его почиталъ человекъ, «немножко» знавшій людей — Левъ Толстой (только пьесъ не признавалъ... впрочемъ, и шекопировскихъ тоже).

Да и Россія того времени очень любила Чехова. художника — человека, человека — поэта, именно это сливалось въ какомъ то необыкновенно русскомъ звукѣ. Чеховъ взглядъ на жизнь имѣлъ широкій и глазъ ясный. Что темно, что свѣтло, видѣлъ отлично. Но удивительно у него духъ сочувствія, снисходительности къ слабости человека и его несовершенству. Взять повѣсть «Дуэль» — не лучшее его произведеніе, но характерное: сколько доброты! Просто удивляешься. И ужъ не говорю о вершинныхъ писаніяхъ чеховскаго: «Въ оврагѣ», «Архирей»... Приближался конецъ его земной и вотъ, все онъ роетъ.

Сила у себя въ Ялтѣ сильно по Москвѣ скучалъ, подиравъ въ этомъ сестрамъ. Любилъ московскую зиму, извозчиковъ въ сапогахъ, рестораны, «Эрмитажъ» («Прага» явилась позже), были у него въ Москвѣ и пріятель. Была и Ольга Леонардовна Книпперъ, Мама изъ «Трехъ сестеръ».

Чеховъ самъ, обликомъ своимъ — не одной литературой — вошелъ въ жизнь тогдашнюю нѣкимъ добрымъ кумиромъ: у сколькихъ курьистокъ висѣли открытки съ его изображеніемъ, сколько учительницъ изъ провинціи мечтали о немъ, какъ о тихомъ заступникѣ. Именно тѣ, кому жилось тяжело, чѣмъ жилось не удавалось, всѣ слабые и незадачливые считали Чехова своимъ покровителемъ: и не ошибались. Они, можетъ быть, нѣсколько икомомисно представляли себѣ его, но не обманывались въ главномъ. Это главное и остъ сердце пьесы «Три сестры». Чеховъ писалъ вещи и выше, но человѣческій и поэтический мотивъ этой пьесы особенно прилежалъ къ мѣсту — «домель».

## «ТРИ СЕСТРЫ» ЗДѢСЬ.

— Буду играть Машу, пока жива! — говорила Книпперъ — любила эту роль и успѣхъ въ ней имѣла огромный. «Три сестры» очень долго держались въ репертуарѣ Художественнаго театра. Шли и въ революцію. Но не удивлясь, если вскорѣ будутъ возобновлены. А пока что идутъ въ Лондонѣ и Нью-Йоркѣ, возможно, поставятъ ихъ въ Бальюттѣ или Австраліи: Чеховъ очень, по настоящему знаменитъ въ англо-американскомъ мірѣ.

Молодой нашъ «Русскій театръ» открывалъ сезонъ «Трехъ сестрами» не безъ опасеній. Эти опасенія понятны. Русскіе даже больше боялись за свою русскую публику, чѣмъ англичане за англійскую. Англійская революція не переживала.

Вотъ образчикъ неодобряющихъ — изъ молодежи. Юный русскій эмигрантъ такъ отзывался о «Трехъ сестрахъ» (въ Парижѣ, на любительскомъ спектаклѣ — шли отдѣльные сцены):

— Удивляюсь. Вѣдь онъ же въ Россіи жилъ? Въ Москву даже и разрѣшенія не надо было тогда хлопотать. Я черезъ три страны безъ визы и безъ денегъ, пробрался. А онъ все плачетъ. Изъ какой нибудь Пензы до Москвы не довѣять? Не понимаю.

Другой разрядъ недовольныхъ — люди «современные», на литературу смотрящіе съ точки такой: что въ нынѣшнемъ году носить? Длинные платья или короткія, шляпы полу-клоуновскія или аэропланныя?

— Советская литература, конечно, груба, — говорятъ они. — Такова тамъ жизнь. И ихъ литература интересна намъ потому, что отражаетъ Россію, родную... Аттику мы, конечно, отбрасываемъ. Но вѣдь это новая жизнь, строительство... (Года два назадъ такіе разговоры часто приходилось слышать. Теперь они явленіе старомодное).

Эмигрантскій театръ могъ рассчитывать на разные недоброжелательные слои публики. Тѣ, кто Чехова любилъ, тоже могли опасаться. Не безъ волненія шли нѣкоторые на спектакль. Проверить другихъ, да и себя проверить. Какъ дѣйствуетъ время даже на подлинное художество? И насколько жизнь измѣнилась?

Впечатлѣнія получались сильныя, подтвердили старую истину: жизнь безпрестанно текуща, поэзія притомляется времени.

Сначала о жизни. Жизнь русская измѣнилась съ «Трехъ сестеръ» настолько, будто прошло не сорокъ, а сто сорокъ лѣтъ. Незачѣмъ говорить, лучше она стала, или хуже... Но вотъ что сразу видно: въ тѣхъ людяхъ — слабыхъ и неврастеленныхъ, неспособныхъ бороться — какъ мало хитрости! Въ пьесѣ грубость и хитрость представлены лишь женою Андрея, да п то въ скромныхъ формахъ. Сестры страдаютъ отъ окружающей пошлости, невѣжественности, невоспитанности. Все это такъ. Вѣрнѣе, что городъ былъ скучный. Но какъ все таки все мирно! Гдѣ преступленія, кровь, насилие, войны, — ужасы, творящіеся вокругъ насъ теперь похода? А какъ мало завоевательнаго у чеховскихъ воиновъ? Мечтатели, тоскующія души... Бѣтъ въ послѣднихъ, конечно, и не-объективное, смикомъ лично чеховское (особенно въ Вершининѣ), все же и дѣйствительно въ русскомъ офицерѣ того времени мало было кровожадности, воли къ убійству. А была ли воля къ власти въ просвѣщенномъ русскомъ обществѣ?

Тутъ начинаются философскія размышленія.

— Ага! Вотъ они, чеховскіе люди! Милыя сестры! Проворонили Россію. Отдали настоящимъ Лопаснинымъ... Туда имъ и дорога.

Спорить не приходится. Отдали. «Проворонили». Перечитывая Чехова, поражаешься, какъ мало Россія вырабатывала дѣйствительнаго, сопротивленія злу, отвѣтнаго удара. У Липы, молодой матери («Въ оврагѣ») на глазахъ невістка Аксинья обливается кипяткомъ ребенка — Липа страдаетъ безмолвно. Не пытается даже отвѣтить какъ нибудь. Богомольная Варвара

знаетъ, что у нихъ въ завѣ обмѣривать и обмѣриваютъ: но не пошевеливается, чтобы съ этимъ бороться. «Въ оврагѣ» кончается полнымъ торжествомъ зла. Въ планѣ жизни практической, реальной ему нѣтъ сопротивленія. Побѣждается оно въ планѣ снотности, свѣтлаго милосердія: побѣдительница — та же Липа, подающая на большой дорогѣ кусокъ пирога съ кашей своему свекру, выгнавшему изъ дому Аксиней.

Такъ что можно и не размахивать руками, ругая Россію, а призадуматься.

— Хорошо: слабость, обломовщина, негражданственность.

Все это было. Нѣкая вялость. Но одноли это? Вотъ вѣдь ужъ Толстой не такой Обломовъ и не чеховскій герой, а вѣдь и у него непротивленіе... А Достоевскій съ «Преступкой», Тургеневъ съ «Живыми мощами». Чеховъ со своей Липой? — Что же, это все такъ, зря? «Напрасно» русскіе лучшіе творцы что то выразили? И нѣтъ ли въ «закланіи» Роллы нашей смысла болѣе, болѣе глубокаго — можетъ быть вѣдь и такъ, что не то что ее «прозвали», «чего то не додѣляли»... — а и наделало ей стать жертвой? Можетъ быть самыя несчастныя — не напрасно несчастны?

Но это разговоръ сложный. Возвращаемся къ пьесѣ. Конечно, со стороны отраженія жизни это исторія. Со стороны же искусства — нѣтъ. Устарѣли лишь мелочи, а образительность Чехова, его расчѣтъ, логичность, люди — все живое и все живое, и такъ же трогаютъ Кулыгинъ и Чебутыкинъ. А главное, въ самой пьесѣ есть вечный звукъ, звукъ поэзіи, проходящій черезъ всѣ обличія бытія.

— Несильные, не-хитрые, довольно скромные и нѣжные люди тоскуютъ въ жизни пошлой. Хочется видѣть счастье, красоту. Но ихъ нѣтъ. Мечтаютъ, говорятъ иногда наивности. Но кто же не мечтаетъ о счастьѣ? Вѣдь вотъ и въ Россіи теплѣнней томится же кто то по любви «съ черемухой», а вѣдь «черемуха» это съ Москву, въ Москву». И вѣдь пока черемуха у людей есть, они и живы.

Театръ отдалъ сыгравъ пьесу. Удачно разобрались роли, удачно взялъ режиссеръ довольно крѣпкій тонъ, не впадая въ паузы и заумность. Какъ и въ прежнемъ Художественномъ театрѣ спектакль оказался лучшимъ въ репертуарѣ. И очень замѣчательно: съ перваго же дѣйствія немолодая и не-молая пьеса, «устарѣлая» жизнь, проведенная авторомъ и театромъ черезъ искусство, неумирающей частью своей дохнула въ зрительный залъ. Успѣхъ былъ большой.

Врать ли нынѣшняя молодая дама побѣжитъ тринадцать разъ смотрѣть «Три сестры», и насчетъ «чуткой молодежи» дѣло сейчасъ обстоитъ иначе. Но замѣчательно, что черезъ сорокъ почти лѣтъ, въ чужой странѣ, послѣ потопа и ковчега русскіе зрители все же оказались взволнованны, покорены поэтомъ и театромъ. Чѣмъ не побѣда? Театръ сдѣлалъ шагъ не безъ смѣлости. Но игру вполне выигралъ.